Мученик поневоле

Category: Hekaýalar,Kitapcy,Satiriki hekaýalar
написано kitapcy | 23 января, 2025
Мученик поневоле МУЧЕНИК ПОНЕВОЛЕ

Автобус был битком набит. Однако в толчее выделялся один пассажир, который явно попал не на тот вид транспорта. Место ему было в карете «Скорой помощи». Левая рука прибинтована белой повязкой к плечу, голова перевязана, один глаз заплыл и посинел, вокруг другого кровоподтеки. Он держался за поручень, стараясь как-нибудь поудобнее пристроиться в переполненном автобусе, и все время стонал. Кто-то из сидящих сжалился над ним и уступил место.
— Спасибо, — охая сказал инвалид.
— Ба, да это Сельман-бей! — воскликнул пассажир, уступивший место. — Здравствуй! Кто это тебя так разукрасил? Что стряслось?
— О-ох! Ы-ых! Здравствуй, Сарафеттин-бей! И не спрашивай лучше! Я в таком виде пребываю уже третий месяц…
— Вах, вах! Что же это такое!
— Э-эх! Господи, прости и помилуй, совсем пропадаю я…
— А что врачи говорят? Как твоя болезнь называется?
— Ох-ох! Зачем мне врачи! Разве они помогут! Не приведи Аллах, такое несчастье свалилось на мою голову! Пошли его на голову моих врагов! Все тело ломит, ни рукой, ни ногой не могу пошевельнуть.
— Как можно без врачей, Сельман-бей! Обязательно сходи в больницу.
— Нечего мне там делать! В сумасшедшем доме мне место. Вай, вай, только в сумасшедшем доме! Скажу честно: у меня очень заразная болезнь…
Сарафеттин даже попятился.
— Раз так, зачем выходишь из дому?
— Ох! Легко сказать, а разве усидишь! Я от сына заразился…
— Он тоже болен?
— И не спрашивай! Еще как!.. Очень ему плохо, у него болезнь

хроническая. Вот и у меня теперь. Он никак лицей окончить не мог. В девятом классе сидел два года, в десятом тоже… И все мяч проклятый! Сколько просил я его, сколько умолял: «Брось ты этот проклятый мяч!» А он мне отвечает:
«Не могу…» Погубил себя совсем. Мы уж не о карьере его думали, а о том, как бы жизнь спасти. С матча он возвращался, как с поля битвы. Слава Аллаху, сломали ему левую ногу, не может теперь играть. Я так рад, что сломали, не то в один прекрасный день его бы убили! Помилуй нас, господь! Мы с матерью сказали: «Пусть без ноги, лишь бы от этой заразы избавился и живой остался!» После увечья сын стал болельщиком. В день матча его никакими силами дома не удержишь. Играют в Анкаре — он в Анкару мчится. Играют в Измире — он в Измир. То, что он ездит туда-сюда, — это еще полбеды. Беда в том, что он приезжает совсем больной, с ног валится. Охрипший, осипший… Сколько раз я просил его, чтобы он не кричал, как безумный. А он отвечает: «Попробуй, не покричи там!..» Однажды он вернулся с проломленной головой. Другой раз — с перебитым носом и затекшим глазом. Когда он приходил с увечьями после игры, это еще понятно. Но теперь-то ведь он просто болельщик! «Тот, кто смотрит матч, — говорит он, — тоже участвует в драке! Попробуй тут удержись!» А однажды мы нашли его в полицейском участке. Болельщики учинили такую драку, что их всех увели в участок. Раза два мы забирали своего сына из «Скорой помощи». «Как тебе, сын мой, не жалко свою жизнь губить?» — говорил я ему. А он отвечает, что ничего не может с собой поделать. Меня его слова за живое взяли и я говорю: «Возьми-ка меня с собой! Хочу посмотреть на этот твой футбол».
И отправились мы вместе на стадион Мидхатпаша. Игра началась. Я, конечно, ни за какую команду еще не болел, мне было все равно, кто выиграет. Я больше смотрел на зрителей и посмеивался про себя. И вдруг в ворота забили гол. Это был блестящий удар — сам видел. А судья взял да не засчитал этот мяч! Несправедливости я не выношу. И начал я улюлюкать, подобно сидящим со мной рядом. Вдруг слышу, кто-то говорит, что судья правильно сделал, не засчитав мяч. «Нет, — сказал я, — судья поступил неправильно! Это был блестящий удар.

Наверное, он получил взятку». А тот мне и говорит: «Скотина, знаешь ли ты, какие бывают удары!» Я отвечаю, что скотина, мол, — это его отец, а вовсе не я. Я ведь на матче был впервые и нравов болельщиков еще не знал. Только произнес я последнее слово, как сильный удар свалил меня на землю. Мне здорово бы досталось, не заступись за меня соседи, не сын, а соседи. А сын кричал: «Смотри, сейчас еще гол будет!».

После того как я пролил кровь, команда, из-за которой я пострадал, стала дорога моему сердцу. Теперь, когда мяч попадал к нашим игрокам, я уже не мог сидеть спокойно — начинал размахивать руками так, будто готовился к удару, ноги мои невесть что выделывали. Попади мне мяч в самом деле, так он угодил бы, наверно, прямо на луну. В конце концов угодил я ногой в поясницу сидящего впереди. «Пардон, извините», — сказал я ему, — а тот мне понимающе в ответ: «Ничего, бывает!» Потом мне как поддадут в спину — аж искры из глаз посыпались!.. Вот тут-то я и понял, что на стадионе всякое может случиться!

Удары и пинки так и сыплются справа и слева, только никто на них внимания не обращает. Это значит люди в азарт вошли. Мяч там, где-то в километре от тебя, а ты здесь на соседях силу свою испытываешь. Никто, правда, боли не ощущает. Затем, мой эфенди Сарафеттин, наши забили в ворота мяч. Судья опять не засчитал его. Этого я уж никак стерпеть не мог. «Судью с поля!» — воплю, а сам не вижу, что вокруг творится, только руки и ноги дрожат. Рядом со мной сидел торговец лимонадом. Начал я хватать его бутылочки и бросать в судью. Хорошо, что это были бутылочки с лимонадом, а не гранаты. Никто теперь не видел, что происходит на поле. Лишь колотили друг друга почем зря. Я схватил какого-то мальчишку и чуть не задушил. Так ни за что ни про что мог убийцей стать! Мальчик вовремя сказал, что болеет за мою команду. Только я его отпустил, как какой-то верзила принялся дубасить меня изо всех сил. Я сына зову — а тот на поле с судьей расправляется. Полицию зову — полицейские тоже дерутся. Зрители и игроки тем же заняты. Хорошо, догадался я спросить у своего истязателя, за какую команду он болеет, Оказывается, тоже за моих игроков. Еле вырвался из его

лап, не хотел меня отпускать — боялся, что не найдет, кого бить. Один, например, вцепился в доску от трибуны и грызет ее: не нашел себе другого противника.

Через какое-то время все успокоились, и игра возобновилась. Я, как и остальные, для ободрения игроков выкрикивал: «Бра-бра-бра-во-о-о! Браво!» Скоро я уже не мог кричать и стал бить в жестянку, которую держал человек впереди меня. Он принес ее специально для этого. Настоящее светопреставление началось, когда на поле сцепились два игрока. Кто-то подбросил меня в воздух. Раньше я не знал, что могу так высоко прыгать. Потом, потом… Я уже не могу сказать, что было потом, — очнулся в больнице.

— Значит, с тех пор ты не можешь поправиться? — спросил Сарафеттин-бей.

— Да нет! Я опять ходил на стадион, в воскресенье. Играла моя команда. Разве я мог усидеть дома. Советовать-то легко, а попробуй остаться дома в такой день! Хоть веревками тебя привяжут, все равно убежишь! Ы-ых! О-ох! До чего же тело ломит!

Из забинтованных рук Сельман-бея что-то выпало.

— А, это жестянка… Я бью в нее, когда не могу уже больше кричать, — сказал он, принимая от меня сверток.

Автобус остановился. Сельман-бей со стоном поднялся:

— До свидания, Сарафеттин-бей!

— До свидания! Ты к доктору сейчас, Сельман-бей?

— Нет, что ты! Сегодня такая игра! Ох! Как бы не опоздать!

Азиз НЕСИН. Satiriki hekaýalar